

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не по своей воле Элса Уолкотт провела в одиночестве многие годы, читая о вымышленных приключениях и воображая себе другие жизни. В одиночестве спальни, в окружении романов, которые стали ее друзьями, она иногда осмеливалась мечтать о собственных приключениях, но это бывало нечасто. Родственники твердили, что тяжелая болезнь, которую она перенесла в детстве, определила ее будущее, сделала Элсу хрупкой и нелюдимой, и в хорошие дни она верила этому.

В плохие дни, как сегодня, она знала, что всегда была чужой в своей семье. Родственники рано почувствовали, что она не такая, как все, что она не вписывается в общество.

Постоянное неодобрение отзывалось болью, Элса чувствовала, будто потеряла что-то неназванное, неизвестное. В ответ она молчала, не требовала внимания и не искала его, она принимала, что не нравится родным, пусть они и любят ее. Обида стала такой привычной, что она редко замечала ее. Она знала, что эта боль никак не связана с болезнью, которой обычно объясняли ее изгойство.

Но теперь, сидя в гостиной, в своем любимом кресле, она закрыла книгу, что лежала у нее на коленях, и задумалась. «Век невинности»* что-то разбудил в ней, остро напомнил, что время проходит.

Завтра у нее день рождения.

Ей исполняется двадцать пять лет.

* «Век невинности» — роман американской писательницы Эдит Уортон, написанный в 1920 году.

По большому счету, это молодость. В этом возрасте мужчины пьют самогон, гоняют на машинах, слушают регтаймы и танцуют с женщинами, которые носят платья с бахромой и повязки на голове.

Для женщин все иначе.

Для женщины надежда начинает меркнуть, когда ей исполняется двадцать. К двадцати двум в городе, в церкви о ней начинают шептаться, бросать на нее долгие грустные взгляды. К двадцати пяти годам жребий определен. Незамужняя женщина считается старой девой. «Залежалый товар», — называют ее, покачивая головой и цыкая, как бы жалея об утраченных возможностях. Чаще всего люди задавались вопросом, почему совершенно обычная женщина из хорошей семьи осталась старой девой. Но в случае Элсы все знали почему. О ней говорили так, будто она глухая. *Бедняжка. Тощая как палка. Куда ей до красоток сестер.*

Красота. Элса знала, что в ней-то все и дело. Она некрасива. Когда она надевала свое лучшее платье, человек, с ней незнакомый, мог сказать, что она неплохо выглядит, но и только. Очень уж она «слишком»: слишком высокая, слишком худая, слишком бледная, слишком неуверенная в себе.

Элса была на свадьбах обеих сестер. Ни одна не попросила ее встать рядом с ней у алтаря, и Элса понимала причину. Ростом она почти шесть футов, выше женихов; она бы испортила фотографии, а для Уолкоттов чрезвычайно важно выглядеть как полагается. Внешние приличия ее родители ценили выше всего.

Не нужно особой прозорливости, чтобы предвидеть будущее Элсы. Она останется здесь, в родительском доме на Рокроуд, под присмотром Марии, горничной, которая уже много лет занимается домом. А когда Мария уйдет на покой, Элсе придется заботиться о родителях, когда же их не станет, она окажется одна.

И каков же будет итог ее жизни? Чем будет отмечено ее время на Земле? Кто запомнит ее и благодаря чему?

Она закрыла глаза и позволила знакомой, давней мечте на цыпочках войти в ее сознание. Она представила, что живет где-

то в другом месте. В своем доме. Она слышала детский смех. Смех своих детей.

Жизнь, а не просто существование. Вот о чем она мечтала — о мире, где ее жизнь и выбор не определяются ревматической лихорадкой, которую она перенесла в четырнадцать лет, о жизни, в которой она открывает свою еще неизведанную силу, где ее судят не только по внешности.

Распахнулась входная дверь, и родственники Элсы шумно вошли в дом. Они, как всегда, держались толпой, смеялись и болтали; шествие возглавлял дородный отец Элсы (лицо покраснелось от выпивки), по бокам от него, словно крылья лебедя, двигались две младших сестры Элсы, красавицы Шарлотта и Сюзанна, а замыкала процессию элегантная мать, беседовавшая со своими видными зятями.

Отец остановился, увидев Элсу.

— Элса, почему ты до сих пор не легла?

— Я хотела поговорить с вами.

— В этот час? — удивилась мать. — Ты покраснелась. У тебя жар?

— У меня уже много лет не было жара, мама. Ты это знаешь. Элса встала, сцепив руки, и обвела взглядом родню.

Сейчас, подумала она. Она должна это сделать. Главное, не терять присутствия духа.

— Папа.

Она сказала слишком тихо, так, что ее никто не услышал, и тогда она попробовала снова, возвысив голос:

— Папа.

Отец посмотрел на нее.

— Завтра мне исполняется двадцать пять лет, — сказала Элса.

Это напоминание как будто вызвало у матери раздражение.

— Мы знаем, Элса.

— Да, конечно. Я просто хотела сказать, что я приняла решение.

При этих словах все замерли.

— Я... В Чикаго есть колледж, где учат литературе, туда принимают женщин. Я хочу посещать лекции...

— Элсинор, — заговорил отец, — зачем тебе образование? Ты даже школу закончить не смогла из-за болезни. Что за чепуха.

Ей было нестерпимо видеть, как ее недостатки отражаются в глазах других людей. *Борись за себя. Будь смелой.*

— Но, папа, я взрослая женщина. Я с четырнадцати лет не болею. Я думаю, что доктор... слишком поспешно поставил диагноз. Теперь я здорова. Правда. Я могу стать учительницей. Или писательницей.

— Писательницей? — спросил отец. — У тебя что, талант прорезался?

Его насмешливый взгляд едва не подкосил Элсу.

— Возможно, — ответила она слабым голосом.

Отец повернулся к матери:

— Миссис Уолкотт, дайте ей чего-нибудь от нервов.

— Это не истерика, папа. — Элса знала, что все кончено. Ей не выиграть в этой борьбе. Она должна оставаться тихой и невидимой для всего мира. — Со мной все в порядке. Я пойду наверх.

Она отвернулась. Момент уже миновал, и на нее никто не смотрел. Она будто исчезла из комнаты — в своей обычной манере как бы растворяться в воздухе.

Лучше бы она никогда не читала «Век невинности». Что хорошего вышло из всего этого толком не высказанного желания? Она никогда не влюбится, у нее никогда не будет детей.

Когда Элса поднималась по лестнице, снизу донеслась музыка. Включили новую виктролу.

Она остановилась.

Спустись вниз, возьми стул.

Она решительно закрыла дверь в спальню, отрезая звуки с первого этажа. Там ее никто не ждет.

Элса посмотрела на свое отражение в зеркале над раковиной. словно чьи-то недобрые руки стянули ее бледное лицо к острому подбородку. Длинные и прямые светлые волосы совсем тонкие, как кукурузные рыльца, их невозможно уложить во вьющиеся локоны, как делают все девушки. Мать не позволила Элсе подстричься по моде, сказала, что короткими ее во-

лосы будут выглядеть еще хуже. Все у Элсы бесцветное, полинявшее, выделялись только голубые глаза.

Она зажгла лампу, стоявшую на тумбочке возле кровати, и взяла один из романов, которыми наиболее дорожила.

«Мемуары женщины для утех»*.

Забравшись в постель, Элса погрузилась в скандальную историю, и ее охватило пугающее, греховное желание ласкать себя, она едва не поддавалась ему. Книга вызывала почти невыносимую боль — боль желания.

Она закрыла книгу, теперь еще сильнее чувствуя себя отверженной. Беспokoйной. Неудовлетворенной.

Если она в ближайшее время не предпримет каких-то шагов, решительных шагов, ее будущее ничем не будет отличаться от настоящего. Она всю жизнь проведет в этом доме, и ее дни и ночи будет определять болезнь, которую она перенесла десять лет назад, и непривлекательность, которую она не в силах изменить. Она никогда не почувствует возбуждения от прикосновений мужчины, не познает удовольствия общей с мужчиной постели. Никогда не возьмет на руки своего ребенка. У нее никогда не будет собственного дома.

В ту ночь Элсу мучило желание. К утру она решила: нужно что-то сделать, чтобы изменить свою жизнь.

Но что?

Не каждая женщина красива, не каждую можно назвать хотя бы хорошенькой. И другие в детстве болели лихорадкой, но потом жили полной жизнью. Насколько она могла понять, все разговоры о том, что болезнь дала осложнение на сердце, — только предположения медиков. Сердце исправно билось и не давало поводов для беспокойства. Она должна верить, что ей хватит выдержки, хотя ей ни разу за эти годы не давали шанса испытать свою силу, выносливость. И откуда им всем знать? Ей не разрешали бегать, играть, танцевать. Она была вынуждена

* Эротический роман, написанный англичанином Джоном Клеландом в XVIII веке. В США публикация романа была официально запрещена до 60-х годов XX века.